

Гу Инь глубоко вздохнул и нацепил вежливую улыбку. Ладно, пойдет!

Вернувшись в свою комнату, он стиснул зубы. Лучше бы он действовал сегодня ночью, надо было уйти пораньше!

В этот момент Цяньлин завибрировал. Гу Инь с недовольным видом достал артефакт — это Ци Юэ вызывал его на связь.

Гу Инь принял вызов. На той стороне Ци Юэ огляделся по сторонам: очевидно, он спрятался где-то, чтобы тайком связаться с Гу Инем.

— Старший брат Гу, сегодня на занятиях так замотался, весь день на ногах. Как ты там? Не хочешь выбраться куда-нибудь развеяться?

Гу Инь усмехнулся. Пока другие были по горло заняты профильными дисциплинами, он не только по очереди болел со своим наставником, но и чуть не был вышвырнут вон.

Ци Юэ не заметил перемены в лице Гу Иня и, возбужденно придвинувшись к самому зеркалу Цяньлин, затараторил:

— Я разузнал кое-что о старейшине Лине. Угадай, что именно?

Гу Инь бросил на него косой взгляд. Его мысли были заняты лишь тем, что Линь Цинъю — главный злодей. Он закатил глаза и буркнул:

— Раз хочешь сказать — говори.

— Говорят, старейшина Линь появился здесь тридцать лет назад, внезапно и ниоткуда. Никто не знает, откуда он взялся. Он не любит выходить из дома, целыми днями возится на грядках на Пике Бусянь. Некоторые любопытные ученики и ученицы тайком пробирались туда, чтобы посмотреть, что это за чудо-юдо, но обнаружили, что старейшина Линь слабее младенца.

Гу Инь приподнял бровь. У любого главного злодея обычно есть темное прошлое, которое и становится детонатором для его превращения в тирана.

— Кое-кто, видя, какой старейшина Линь красавец, начал нарочно задирать его, но чуть не был загрызен огромным желтым псом, что жил там. Потом полгода в лазарете отлеживались. Была еще одна ученица, которая влюбилась и хотела признаться в чувствах, но ее чуть не пронзили шипами демонические лозы. Знаешь, он с девушками совсем не церемонится.

Потом никто больше не смел его тревожить, да и он почти не выходил. В академии его в шутку

прозвали Красавцем с лезвием.

Закончив рассказ, Ци Юэ посмотрел на Гу Иня с таким сочувствием, что тот поморщился:

— Кстати, раз у старейшины Линя нет духовной силы, как он вообще тебя учит? И какую дисциплину ты у него изучаешь?

Гу Инь, выслушав этот поток информации, почувствовал раздражение. Не ответив ни слова, он разорвал связь.

Мучимый беспокойством, Гу Инь ворочался в постели, пока из окна снова не появился А Тэн. Растение указало листом куда-то наружу.

С недовольной гримасой Гу Инь снова поплелся в комнату Линь Цинъю.

Вскоре он с досадой понял, что тот снова потерял сознание.

Делать было нечего — пришлось смириться. Гу Инь сварил лекарство, взял полотенце и принялся обтирать его тело, чтобы сбить жар.

Глядя на его лицо, он невольно усмехнулся: во время болезни тот выглядел таким беззащитным и жалким, что его невероятная красота вызывала невольные мысли.

Расстегнув верхнюю одежду, Гу Инь на мгновение замешкался, но затем с раздражением распахнул полы халата и, даже не глядя, принялся небрежно обтирать тело полотенцем.

Когда пальцы случайно коснулись кожи, он ощутил нечто странное.

Гу Инь повернул голову, взглянул на грудь Линь Цинъю и в изумлении открыл рот.

Тело того было бледным и хрупким, но поразило Гу Иня другое: вся грудь Линь Цинъю была покрыта шрамами.

В тот момент Гу Инь не мог понять, откуда они взялись. Он видел лишь, что рубцы были глубокими и многочисленными, уходящими куда-то к животу.

Гу Инь чуть было не стянул с него штаны, чтобы рассмотреть всё получше. Откуда на таком нежном и слабом теле взялось столько следов увечий?

В конце концов он сдержался и с тяжелым сердцем привел одежду Линь Цинъю в порядок.

Линь Цинъю не просыпался, и Гу Инь остался дежурить, время от времени меняя воду и поправляя полотенце на его лбу.

Когда Линь Цинъю наконец открыл глаза, снаружи уже было совершенно темно. Гу Инь клевал носом, прислонившись к изголовью кровати.

Взгляд Линь Цинъю, упавший на профиль Гу Иня, на мгновение потеплел, словно он погрузился в какие-то воспоминания. Казалось, когда-то кто-то точно так же сидел у его постели, не отходя ни на шаг.

— Хе-хе, я гений игр, — пробормотал Гу Инь во сне, возвращая Линь Цинъю в реальность.

Лицо Линь Цинъю постепенно стало холодным, в глазах промелькнул лед, и он решительным движением оттолкнул Гу Иня.

Гу Инь, который как раз во сне получал кубок победителя, внезапно рухнул на пол, а кубок в его воображении разбился.

— Кто это сделал?!

Гу Инь, сидя на полу, сердито уставился на него, но, встретившись с холодным взглядом Линь Цинъю, замер.

Линь Цинъю похлопал по месту, где только что лежал Гу Инь, с видом крайнего отвращения.

Гу Инь стиснул зубы. Он твердил себе: все люди здесь — мои создания, я для них как отец, разве может отец злиться на своих детей?

Но ему хотелось выразить свое недовольство. Напоследок Гу Инь топнул ногой, демонстративно фыркнул и с грохотом поставил на стол принесенную кашу, чтобы показать свою упрямую обиду и гнев:

— Целый день не ел, вот, держи!

Сказав это, он с самым надутым видом, какой только мог изобразить, ушел к себе.

Как только Гу Инь скрылся, Линь Цинъю снова принял растерянный вид.

В окно влетел А Тэн. Лиана прильнула к краю кровати, ластясь к Линь Цинъю, выглядя очень нежной и милой.

Линь Цинъю смотрел на А Тэна и бормотал:

— Я, должно быть, очень плохой человек. Людям не стоит приближаться ко мне, ведь я всегда приношу одни несчастья.

А Тэн скрутил лист в знак протеста.

Линь Цинъю дважды кашлянул, встал и сел за стол. Он действительно был очень голоден. Каша в миске аппетитно дымилась. Линь Цинъю наконец взял миску и начал есть — маленькими глотками, невероятно изящно. Вскоре миска опустела, и на душе у него потеплело.

Глаза заволокло влажной дымкой, уголки глаз покраснели. Он не понимал, откуда взялись эти чувства, лишь ощущал в сердце странную горечь и кислоту.

Линь Цинъю отогнал эти мысли и сел за стол.

Перед ним лежало множество его собственных рисунков. Большинство из них были сделаны в минуты досуга, когда в голове всплывали обрывки воспоминаний, но разобрать на них было почти ничего нельзя.

Отложив рисунки, Линь Цинъю открыл пустую тетрадь. Его бледные пальцы сжали кисть, прекрасное лицо застыло в задумчивости. Кончик кисти коснулся бумаги, и в комнате зазвучал лишь шорох письма.

Луна высоко висела в небе, А Тэн зажег маленький светильник. Теплый желтый свет лампы падал на лицо Линь Цинъю, добавляя ему мягкости.

Гу Инь не спал всю ночь.

Он колебался: убить Линь Цинъю прямо сейчас и вернуться домой или медленно наблюдать за ним в течение пяти лет?

Хотя Линь Цинъю был холоден и язвителен, он спас его, когда тот заболел.

Но ведь он — главный злодей! А вдруг он станет темным раньше времени? Разве Гу Инь сможет ему противостоять?

Ворочаясь в постели, он так и не сомкнул глаз до самого рассвета, когда в дверь постучали.

Гу Инь открыл дверь, пряча темные круги под глазами, и встретился взглядом с Линь Цинъю, у которого под глазами были точно такие же синяки.

Гу Инь мгновенно напрягся, боясь, что Линь Цинъю сейчас достанет тот самый золотой меч с магическими печатями и пронзит его насквозь.

Однако Линь Цинъю выглядел неловко. Его фениксовы глаза скользнули по лицу Гу Иня, и он сунул ему в руки тетрадь:

— Это техника культивации, которую я создал сам. — Линь Цинъю хотел было объяснить подробнее, но потерял терпение и закончил: — Она полезна для твоего тела, бери и практикуйся!

У Гу Иня были застарелые болезни, меридианы полностью забиты, а ци текла с трудом — то, что он был еще жив, можно было считать чудом.

Хотя сам Линь Цинъю не мог использовать духовную силу, он подсознательно чувствовал, что эта техника поможет улучшить состояние Гу Иня, а также поможет успокоить ум и воспитать характер. Сейчас единственным верным решением было постепенно довести тело до совершенства, и лишь потом приступить к изучению жестких техник.

Раз уж он оставил его у себя, он обязан наставить его на путь истинный, чтобы тот не обижал других и не питал злых помыслов.

Сказав это, Линь Цинъю развернулся и ушел.

Гу Инь почесал затылок и открыл тетрадь. Почерк был твердым, размашистым и элегантным — совсем не похожим на его хрупкий, болезненный вид.

От страниц все еще пахло тушью: видно, писал всю ночь.

Но постойте, у него же самого нет духовной силы, как он мог создать технику культивации?

Подумав о том, что тот — главный злодей, Гу Инь решил, что, возможно, он просто не такой, как все.

Гу Инь тут же с энтузиазмом принялся за чтение, но текст оказался таким сложным и запутанным, что через полчаса у него разболелась голова. Он стиснул зубы, пытаясь продолжить, но, несмотря на все усилия, в конце концов провалился в сон.

Техника действительно обладала снотворным эффектом, что было очень полезно для здоровья.

А когда Гу Инь заснул, слова мантры, которые он читал, продолжили звучать в его сердце. Тонкая белая нить света заструилась по меридианам, смывая их оковы.

<http://bllate.org/book/18807/1829249>